

Часть четвертая
Стерва

Глава 1

1

drugi

Искренность у нее просто воинственная. Она действительно не делала никогда того, чего ей не хотелось. С одной стороны, опять недостаток, а с другой — это ведь опять непосредственность. Несмотря на то, что она всех подозревала в цинизме и практичности, сама она любила оказывать помощь и делала это без задней мысли и не думая о вознаграждении. Но если она чего-то не хотела, не хотела, например, читать Гамсуна или Толстого, слушать вместо своего ай-ренби Малежика или Барбару Стрезанд с ее «Woman in love», что-то еще, то так упорно, что поневоле начинал уважать ее нежелание, несмотря на то, что она упорствовала в очевидной безграмотности, невежественности и узости вкуса.

— Зачем мне учиться? Я видела множество людей, которым никакое вузовское образование не помогло. И как вы называете их, культурные люди оказывались такими подлецами.

Анекдот:

Приходит к настоятелю монахиня. Говорит, батюшка, я согрешила! Что делать?

Батюшка отвечает:

— Съешь лимон.
— Что, съем, и ничего не будет?
— Дура, блаженство с морды сойдет!

— Доктор, как мне долго прожить?
— Не пить, не курить, не спать с женщинами.
— И что, я тогда проживу долго?
— Нет, но жизнь вам покажется невыносимо длинной.

drugu

Боша, даже тебя заело, что я не веду себя мужчиной. Но я не могу бороться за нее. Мне всегда было неприятно воевать за женщин, так уж повелось. Всех отдавал, приходили ко мне уже те, кто оставался.

Но все равно я от нее набираюсь много интересного. В наше время в порядочных семьях с «джунглями» боролись. Оберегали от них. И хотя в то время не было такого разгула преступности, как сейчас, но и тогда бандитизм был представлен. Хулиганы, воры, насильники, пусть я даже жил в центральной части города, это неважно. Я всегда сторонился танцплощадок, возле которых могли и зубы выбить. Почему-то зубы я всегда очень жалел. Сторонился еще из-за животного этих танцплощадок происхождения, из-за примитивности мероприятия. Да и драться за женщину для меня всегда было оскорбительно по отношению к ней же.

Помню тем не менее, как смотрел с завистью в окно, как самый крутой, как говорят сейчас, молодой человек нашей улицы во дворе нашего пятиэтажного дома целовал самую сексуальную девушку квартала. Это сейчас бы сказали самая сексуальная, а тогда говорилось самая всеми желанная. Вызывающая всеобщее желание. Причем тут еще определенная тонкость была, красивые правильные черты лица, всегда говорящие о какой-то недоступности. Красота всегда отпугивает, вселяет робость. И в то же время еще и с подчеркнута красивым в короткой юбке телом, такие юбки, обтягивающие бедра, вошли тогда в моду. Абсолютно без всякой вульгарности, но выглядящая как женщина. Взрослее нас всех. Такая красота и делала ее взрослее нас всех.

Придавала зрелость. Великолепная женщина. Которая всегда неприступна. Для нас, для мелочи. К которой мы, мелочь, как раз и робеем подойти.

Есть девушки, с которыми нельзя просто прохаживаться, нельзя дружить, переписываться, обмениваться записками, гулять бесцельно и часами по улице, взявшись за руки, или стоять в обнимку в тени акаций вдали от людей, томиться желанием первого поцелуя, потому что с вами гулять по улице они и не пойдут, не будут ждать часами, когда вы решитесь на первый поцелуй, не станут обниматься с вами в тени акаций, не пойдут в зоопарк, в планетарий, на берег реки, не поедут в палаточный турпоход, это девушки другого уровня, в подобных мероприятиях они участия не принимают. На такое не попадают. Короче говоря, она была не из таких. Высокая, красивая. Ходила с достоинством, хотя и без особого высокомерия, без презрения к окружающим, напротив, с высоты своей красоты даже всегда приветливо улыбалась всем. Прилична, интеллигентна, глядя на которую всегда представляешь ее красивое будущее, то, что она далеко пойдет. Уйдет наверх. Такая не может остаться внизу, на улице. Во дворе многоэтажного дома. Уйдет от нас куда-то далеко. Достанется какому-нибудь деятелю, будет обитать в высших сферах. Тогда не было подиумов и моделей, и актрис не считали особо высшим обществом. Высшее общество тогда считалось интеллектуальное. Руководящие лица, ученые, заслуженные деятели искусств, доктора наук, академики, и вот какого-нибудь из них она станет женой, это был идеал успешной женщины тогда. Самостоятельный выход в свет тогда не предполагался. Но то, что она будет в высшем обществе и будет хорошо жить, для всех было очевидно. Для всех нас, глядящих на нее издалека и обреченных любить ее только в мечтах и воображении. Понимая, что по Сеньке шапка.

И вот этот хулиган. Может, он и не хулиган, но какой-то слишком уверенный и бесцеремонный, вечный хозяин положения, лидер нашего квартала. Я опускаю всю криминальную часть, может быть, он, повторяю, и не хулиган, не бандит, но он был вожак, природенный вожак, эффектный, броский и в то же время, без всяких интеллектуальных упражнений и образования,

не глупый, но и не умный, этого там нет, это не рассматривается, там пустота. И наперед в будущем для него все равно либо тюрьма, поскольку его лидерская предначертанность потребует реализации руководящей позиции, а без образования в лидеры только одна дорога. Либо какая-нибудь успешная мафия. Ведь слесарем на завод он не пойдет. Только улица. А это значит, криминал по определению, а если криминала еще не было тогда, то только потому, что он был еще молод и жил, видимо, за счет родителей, а может быть, уже какими-нибудь незначительными махинациями. Хрестоматийный тунеядец, субпассионарий, как бы Гумилев его назвал.

И вот утром после какого-то праздника, когда на асфальте еще валяются бумажные цветы и порванные шары да еще куски транспарантов, в самой середине обширного двора, в который выходят окна и двери множества подъездов, на асфальте, не скрываясь, на глазах у всех он обнимает ее и прижимает к себе все ее тело. Понятно, что это они только после постели, еще в неге и в истоме, да и угар праздника еще у всех в глазах, и даже у смотрящих на них из окон. Они тоже, видимо, после какой-то вечеринки, выставленные хозяевами из дома, или, может быть, после возвращения родителей, в общем, лишенные приюта и места для утех, перед самым расставанием, перед тем как разойтись, и вот он ее целует, сильно и крепко, продолжая обнимать, и даже наваливает ее на себя, так что отрывает всю от земли на мгновение, в утренней прохладе, в ранний час. И хотя она не обнимает его, но она и не противится, она податлива и покорна. И задумываешься: как она досталась ему, такая красивая и недоступная? Но видя ее в руках яркого хулигана, сразу понимаешь еще и то, что ведь она взрослая женщина, у нее это может быть. Понимаешь, что это, скорее, не навсегда, но тем не менее, также осознаешь, что он с такими, как она, находится на равных. Что он взял ее по закону и по праву лидера, которому близость с такими женщинами все же по плечу. Пусть это связь кратковременная, но они это могут. Такие себя считают с красивыми женщинами птицами одного полета. И пусть они заблуждаются по своей гордыне, но подобного рода женщины им все же достаются, пусть на час, пусть случайно, но мы-то о них толь-

ко думаем, нами-то они лишь обожествляемы и любимы в мечтах и на картинках.

«Я отдам за ночь с тобой все на свете...»

2

drugu

Боша, для меня главное, чтобы она походила на меня, то есть главное — духовная составляющая, близость, главное, что я создаю второе «я», Галатею. Какое счастье, когда она повторяет мои «смерть фашистам», мои привычки. Какое счастье, что она научается от меня говорить и думать... Конечно, сюда затесался еще по ее инициативе секс, приходится теперь учитывать и это. Делать поправку, это, конечно, мешает, но включено теперь в наши отношения и является нашей дополнительной сферой общности. Но главное — это наша близость духовная. Путь она спит с кем угодно (может, и мне обломится, это же такая малость по сравнению с тем, что у нас есть, для свободной думающей женщины это был бы пустяк, снизойти к желанию в нее влюбленного мужчины), ведь близость духовная важнее. Но она стала ее предавать, она стала уходить и наполняться другим, птушным, тем миром, где именно секс главное.

Например, мы на Востоке, я отпускаю ее к ухажеру. Она со мной советуется, потом рассказывает о том, что было, когда приходит. Я делаю из распутницы свободную женщину, гетеру. Взрослую развитую женщину. Но ведь не потянула.

Как я представлял себе это: у нас духовная любовь, но я не могу тебе дать плотское в полной мере, тогда, ради Бога, пассив. Если недостаточно меня, и я не могу уже соответствовать, когда-то это случится ведь, плотское найди. Плотское по сравнению с нашим пустое. Наше важнее, она же придет ко мне потом. Придет все равно с любовью. Но она все же не гетера. У нее плотское главное все равно. Как в домострое. Я не могу это осуждать, поскольку это меня и пленяет. Но как она сразу начинает любить Сергея, когда я ей напомню про человеческие чувства, так и тут, как только начинает половую жизнь, сразу попадает на мыслях о верности, о единобрачии, о том, что

главная общность — это единая плоть, а остальное как раз вторично. Это трафаретно, это из домостроя, в ней сразу срабатывают все эти механизмы, хотя в неосознаваемом все равно остается шлюха.

drugu

Мне хорошо, когда другим хорошо. Поговорил по телефону даже со своим директором исполнительным или с женой, положил трубку и чувствую, что человек ко мне хорошо отнесся. И мне приятно. А если другим плохо, то мне плохо. Если я поругался, покричал в трубку, то до тех пор, пока человек на меня обижается, пусть далеко он, в другом городе, но если он зол на меня и меня не любит, мне плохо. Радости нет, точнее. Эйфории. Легкости. Что-то мне мешает. Мне хорошо, только когда меня любят, когда ко мне хорошо относятся, когда не злятся на меня. Так меня устроили родители. Или жизнь. Как мне с этим быть? Я только в этом диапазоне сносно и существую. Без шуток. По мне лучше не будь особого счастья, но главное, чтобы была радость покоя, этаким комфорт души, потому что душевный дискомфорт для меня непереносим, я не воинственный человек, я не могу жить вечной битвой, дискомфорт более непереносим, чем отсутствие счастья. Хотя как знать, может счастье и состоит в отсутствии душевного дискомфорта.

Согласен, можно постараться сделать себя не таким ранимым, сделать почерствее, потолстокожее — по принципу: выживать-то надо. Кожу потолще нарастить — за всякими делами, борьбой за свою правоту, за место под солнцем, а то и за истину, с битвами, драками делаешься жестче и сильнее, выносливее, наращиваешь броню. Но зачем? Если я изначально осознаю: незачем! Если изначально знаю, что не нужна борьба. Никому не нужна. Зачем отстаивать свою правоту? Люди все правы по-своему. Я не хочу свою правоту отстаивать. Как не хочу отстаивать и свою собственность, какое я имею на нее право, в конечном счете, и жизнь отстаивать свою тоже ни к чему. По большому счету, как тот философ... Как мне жить? Если мне другое надо, если я философски отношусь ко всему, а кого-то бить, стрелять, делать кому-то больно за свою собственность и мою правоту, зачем? ...

После хорошего разговора у меня приподнятое настроение. А дурацкий этот максимализм: либо все, либо ничего, а жертвы и щепки и ссадины на пути не важны — иначе некоторым людям скучно — я понимаю, цену, но самого меня это не вдохновляет. Нет, только покой. У меня могут быть увлечения, отвлечения, злость, обиды, раздражение (что, зная какие последствия эти эмоции мне приносят: бессонницу, мучительные угрызения совести, депрессию — я стараюсь успешно или не так успешно избегать), но постоянно жить я могу только в пространстве любви. Всеобщей любви друг к другу. Мне интереснее тут с собой, со своими раздражениями, обидами и злыми мыслями бороться, чем бороться с другими. Приближая себя к какому-то идеалу, к Дао-де-дзин, к нирване, к Нагорной проповеди...

Боша, почему, встречаясь с незнакомыми мужчинами, в пути ли, на работе, на улице, да где угодно, хоть на скамейке в парке или на сиденье в автобусе или метро, случайно за одним столиком в кафе или ресторане, мы прежде всего решаем деловые вопросы, вопросы обмена информацией или просто развлечения-общения, то есть от нечего делать поговорить. Но почему при встрече с женщинами мы всегда сначала прикидываем значимость женщины на предмет того, чтобы с ней переспать? Прежде всего именно это. Себе-то мы объясняем это как оценку их внешних данных, их привлекательности или непривлекательности, ее интересности для мужчин, да и потом, пусть даже у вас завязалось вынужденно или случайно общение с ней и вы стали интересны в чем-то друг другу, ваши интересы где-то совпали, возникла общность по работе, в плане увлечения чем-то одним или другим и так далее, это почему-то сразу и традиционно, и поддерживаемо литературой, драматургией, да всем искусством, всей классикой, является лишним дополнительным моментом к тому, чтобы общение ваше привело к телесной близости. Иного даже не мыслим, иное в голову уже не приходит. Ведь с непривлекательными вы даже не будете и начинать говорить, а если будете, то лишь из сострадания. Почему, считая себя за разумных существ с высшей нервной организацией и величайшим сокровищем природы — человеческим мозгом, считая себя намного выше природы, животных, считая себя высокород-

ными существами, все равно в основе всей жизни иметь именно элементарный животный основной инстинкт. А где чисто человеческие отношения? Их нет? Все люди, особенно женщины, для нас как предметы в плане доставления нам животного удовлетворения. Только в Христовой любви люди для человека не предметы, не объекты, только в ней единственно они не просто тела, которые способны лишь кооперироваться с телами одного пола во временные сообщества для охоты, ну, или для выпивки, а с телами другого пола они даже не могут кооперироваться, а могут их только элементарно потреблять .

3

— Если вы считаете, что главное в жизни — это наблюдать и осознавать, — сказала она мне в самолете, когда мы после ее возвращения из Воронежа, летели на Восток, — а все остальное вторично, то зачем вам такой большой дом?

— Ух, как ты меня уела! Думаешь, не найду слов?..

— Нет, я не для того, чтобы вас обидеть...

— Да понятно, чтобы спесь сбить... Я тут тебе нотацию прочел, и ты решила мне той же монетой ответить... Так вот оказывается тем не менее, тоже чтобы осознавать и наблюдать, за собой в частности. Когда я приезжаю после долгого отсутствия туда — а ты ведь заметила, что я наезжаю периодами, и я еще не говорю о своем охотничьем недостроенном доме, там вообще будет аэродром, — но даже когда приезжаю туда, в этот коттедж, на меня поначалу находит удивление. Потому что в жизни я вообще-то никогда в таком объеме не жил. В свое время я свой объем жизни вообще заставил ограничить объемом палатки. А потом свел даже к объему рюкзака. Это был такой интересный период опыта полевой жизни. Когда дом — все вокруг тебя, и в то же время самый близкий дом, родной — это твой рюкзак. Научился обживать любой угол, любой палаточный уголок как пристанище, как дом, лишь разложив свои вещи. Скажем, фонарь, нож, спички, топор. И все. И я уже дома. Вокруг какой-нибудь пейзаж для любования, но полтора квадратных метра мои. Так вот на меня накатывает сейчас иногда изу-

мление, когда я вдруг осознаю, что в моей собственности так много места. Вот, например, тот зал-студия. И это тоже интересно. И интересно наблюдать за собой, когда я, не привыкнув еще некоторое время после приезда к большому пространству, смотрю на дом все равно еще из прежнего объема палатки, а потом со стороны смотрю на себя. Возможность посмотреть на себя со стороны и является, пожалуй, самым важным в подобной ситуации да и вообще в жизни, непереоценима возможность лишней раз выйти из своего тела, отстраниться от самого себя, это ведь тебе знакомо. Интересно и то, что даже мысли, какие здесь возникают, тоже получаются другого объема, непривычные, другие. Не в смысле масштабности, качества или насыщенности умом, эмоциями, а в смысле особенности содержания. Это толком не объяснить, но они явно отличаются от тех, какие приходят в городской квартире, в палатке, когда сидишь, скажем, у ее входа и глядишь вдаль. Очень интересная разница.

В тебе тоже живет это любопытство, страсть узнать... правда, оно у тебя определено модной теперь формой познания, узкими границами: познать секс, познать тело, познать любовь, и только. Но даже это хорошо, поскольку это все равно путь познания, а не просто путь к физиологическим удовольствиям, смысл которых ты еще, кстати, до конца толком и не распознала, не раскусила, и которые чувственных людей, если в них нет рефлексии, низводят лишь до уровня самосознания амебы.

drugu

Если бы ты видел, Боша, какой она приехала из Воронежа. Это было нечто. Лицо вульгарное, порочное, развратное. И даже смех стал какой-то надтреснутый. Просто можно было диву даваться. Ее «колбочка», ее емкость была заполнена чем-то для меня совершенно немыслимым. Началом половой жизни?

А испортил я все сам. Перед отъездом, находясь в полной прострации, я наделал массу глупостей. Сначала решил подарить им Библию — это вообще характеризовало мое состояние, согласись, явно был не в себе. Потом проводить предложил, потом, когда поехали в поезде, предложил встретить их на маши-

не в Воронеже и сдать их его родителям. Потом спросил по телефону маму Лену: а вы паспорт смотрели? — и очень сам разволновался, и вообще сказал, вы знаете откуда и кто он, потом послал Наташе сообщение, и спросил, не украдут и не увезут ли ее в Турцию.

Мало того, позвонил ей в поезд, напрашиваясь встретить их в Воронеже и доставить их к его родителям, чем навлек на себя Наташин гнев, а находящийся рядом в купе Петр очень резонно ответил: а при чем тут вы?

Этот ответ меня поставил на место, я прислушался к его интонации и понял, что в Турцию он ее увозить не собирается, так Наташе и сказал. Но Наташа уже была зла, в общем, сам все испортил. И если из своей поездки к Сергею она мне звонила сама, то тут от нее не было ни одного звонка, а на мои звонки она отвечала постоянно грубо.

Перед отъездом сказал ей:

— Если у вас будет постель, умоляю, не забеременей сразу. Тебе надо рассказать, что надо делать и чем пользоваться?

— Да я все знаю больше вас.

— Что ты знаешь? Сама говорила, что до семнадцати лет не знала даже, что у тебя две дырочки, и твоим друзьям пришлось доказывать тебе это по книге анатомии.

— У него там отдельная квартира, я сказала ему: приедем к тебе и будем делать ребенка. Он ответил: ты очень добра...

Боже мой. Лучше бы не спрашивал, что от нее еще можно было ожидать! Зачем лишнее воображать? Я ведь и так буду все чувствовать.

И ведь чувствовал, Боша!

Сначала говорила, съезжу в Воронеж к Петьке, вернусь сразу, обратный билет уже взяла на другой день. И надолго уже зависну в этом положении, замуж не пойду, но будет свобода от родителей. А как уехала — и с концами, и нет неделю.

И все время болело сердце. Боша, надо же, сердце у меня стало болеть.

Фантазировал и сходил с ума отчаянно. Влез в анализ своих чувств и переживаний, представлял картины, связывал со своими ощущениями, погряз в этом ненужном медиумизме, от которого вообще чуть не тронулся. Впал в неопишное страдание. Неделю даже не мог ни о чем спокойно размышлять, не мог ничего делать, ходил по дому и только орал благим матом.

Несколько раз пытался смотреть на себя со стороны. Помогало.

Говорил вечерами, повторял: ну пусть им будет вместе хорошо. И это, похоже, помогало тоже.

И потом я начал изживать боль песней группы «Агата Кристи», их песней «А на тебе, как на войне», которой я пятнадцать лет назад изживал боль и любовь к очередной стерве, моей последней жене, которая закончилась тогда для меня, правда, благополучно. Я на ней женился. Везет мне на стерву.

Ляг, отдохни и послушай, что я скажу.

Я терпел, но сегодня я ухожу.

Я сказал: успокойся и рот закрой.

Вот и все, до свидания, черт с тобой.

А на тебе, как на войне, а на войне, как на тебе,
но я устал, окончен бой,
Беру портфель, иду домой.

И чем грубее и вульгарнее выражено, Боша, тем больше успокоения приносит в душу. Слушаю ее без конца и, так сказать, подтанцовываю. Перед зеркалом. Со стороны смотреть, видимо, сущее безумие, согласись. Выделяваю всяческие па, распрыгался, растанцевался. Аж, вспотел. Но пока танцуешь, вроде ничего, не берет страх и боль.

Выходил на улицу прогуляться, курил.

В моем состоянии вечной тревоги и тяжести даже первый глоток никотина, кружащий на несколько секунд голову и дающий на мгновение легкость, воспринимается мной уже как счастье. Всего несколько секунд в день. Все остальное время — мрак и ужас.

Скажет мама Оля, что вчера к ним там приходили гости, его друзья, спортсмены, что Петя чемпион области по шашкам — и я так взревную, что даже покраснею при Оле. И тревога и боль в груди.

Только одну ночь из всей недели спал, что-то там у них произошло, какой-то сбой, может быть, поругались, и я спал до утра и их совершенно не чувствовал, а утром даже послал СМСку:

«Доброе утро, Зайка! Как ты умудрилась выключить телевизор? Ни одного триллера за ночь».

Но ответа от нее не последовало. Все время сбрасывал ей деньги на телефон, чтобы могла звонить, но мне она ни разу не перезвонила.

И опять танцевал весь день перед зеркалом и даже себе в зеркале понравился.

Я идиот! Мне надо пользоваться тем, что мне дают. Я же требую всегда большего! И вечно недоволен. Я требую постоянства и вечности. Полной собственности. Она предлагала перед отъездом, я могу с вами, как с друзьями, обняться и поцеловаться. Даже обняла и прижалась ко мне грудью, но я заикался: как же, брезгливость, собирается к мальчику, как же, обиды. И отказался. А вот это и надо брать. Надо брать не идеалистическое, а от такой надо брать функциональное, чего ты сейчас добился в этой ситуации, произведя впечатление, бери, потому что твой подвиг она все равно не оценит и не запомнит, брать надо сейчас, теперь, пока она еще что-то испытывает. Преодолевай брезгливость, свою душевную брезгливость, ведь говоришь, что потом будешь давать ей свободу, лишь бы она была твоя, да если сейчас капризничаешь, какую вообще свободу и когда ты сможешь ей дать?

Про своего Сергея она тоже говорила: он, если кто-то меня за руку взял, неделю к этой руке прикасаться не будет...

Ее нельзя иметь для спокойствия, для семьи, для комфорта. Она — это как работа, она должна быть на первом месте, и все должно быть посвящено ей.

Нет, торчит опять кол в груди. Что там делают? Да пусть ей будет хорошо. Ее выбор. На все Божья воля.

Боша, классно встречаю свой день рождения.

drugu

Боша. Я захотел в собственность девушку, но все время ду- мал, обманывал, уверял себя, что это духовная любовь, что это высокое, поэтическое, позволил себе поэтому влюбиться, и вот Провидение снизошло к моим просьбам и дало любовь опять и послало мне испытание: хотел духовную любовь, пожалуйста, бери, и приходится брать, когда уже и не хочешь брать — ну зачем мне такое чудовище? Но заставляешь себя все равно по инерции любить, не изменять своему намерению любить, потому что ведь просил, обещал Провидению, что все отдам, что это «на мой закат печальный любовь улыбкою прощальной» и так далее. И вот приходится тащить эту лямку. Потому что Провидение ведь не поймет моего отказа. С Божеским не шутят. Так не легкомысленничают. И сколько же мне ее тащить?..

drugu

Половая жизнь примитивизирует людей, подсаживая их на секс, как на наркотик, делает от секса зависимыми, несвободными, даже у интеллигентного плана людей в выражении лиц появляется что-то кроличье. И это хорошо, если только кроличье.

Вот есть пары, которые весь день могут стоять у всех на виду в обнимку, и на них все равно приятно смотреть. Как на невинность. Тут и теща где-то рядом, и они, положим, с коляской и с ребенком, отдыхая на берегу моря, допустим, отдыхать приехали, стоят в очереди в столовую, в тени тента и в виду перспективы моря, но занятые только собой. Она еще что-то поправит в коляске ребенку и снова вернется к нему, и они опять прильнут друг к другу, вернее, даже сольются, вложатся друг в друга, тесно, всем телом. Время от времени переговариваются с матерью и снова друг к другу никнут, поглаживая другому то спину, то руку у запя-

стья в самом низу, а иногда от нежности и от сплетенности их тел даже поволока на мгновение на глазах возникнет, и они невольно подставят друг другу губы для поцелуя, чтобы потом, опять разлепив губы и ничего не стесняясь, продолжать с матерью говорить. И видится в этом какая-то пастораль, никто даже с укором на них не решится взглянуть, такие пастушок и пастушка. И даже нельзя сказать, что они любят друг друга, об этом уже как-то даже и речи нет, они — одно. Нераздельны. Единое целое. Тут уже ни при чем любовь. Тут что-то большее, завидное, Божье и вечное...

А есть пары, которые не только не никнут друг к другу, но даже не дотрагиваются друг до друга на людях днем, даже не решаются встать рядом, потому что видно, что озабочены только одним. И только ждут вечера, часа своего. И заводятся, вспыхивают, как спичка, от одного только прикосновения, причем прикосновения к ним любого человека противоположного пола. А может быть, даже и пола своего. Невольные заложники своей страсти, ее готовности вылиться хоть на кого. Так что о паре и андрогинности тут речи особой нет. Это подсаженные на секс как на иглу. Это те, что без секса уже просто не могут. Это единственный их смысл жизни. Они думают всегда только о нем. Они им одним живут. Даже неудовлетворенные, обделенные сексуальным контактом, одинокие и, казалось бы, озабоченные сексом люди выглядят симпатичнее, человечнее, у них в глазах хотя бы какая-то тоска, ожидание, потерянности, поиск, томление и страдание невостребованной души. У этих же нет ничего. У них в глазах только кролик. Они в совершенстве знают, что им в жизни надо, иное отношение к миру им даже невдомек иметь, такими, надо честно признаться, большинство из нас становится на определенный период времени и в определенный период жизни, не совсем в ранней молодости, но и не близко к старости, приходящийся чаще на все тот же хрестоматийный бальзаковский возраст, когда люди сильны, здоровы, сыты, опыты и могут получать, как гурманы от пищи, от телесной близости все. Когда они становятся в сексе доки и делают это рудиментарное дело долго, этак по-бычьей и со знанием предмета. Это период, когда люди становятся как животные в период гона, только период гона у людей не несколько недель в году, а может продолжаться круглогодично и не один десяток лет, о котором они потом вспо-

минают иногда с ужасом, иногда с удивлением. Но всегда со странным чувством, задумываясь, что это было какое-то наваждение.

Но бывает и просто порок. Я не мог понять, что в ней изменилось, когда встретил их на вокзале после Воронежа, единственное, что бросалось в глаза, это то, что она очень довольна тем, как выглядит. И пока я вез их с Петром к ее родителям домой, они опять со мной не разговаривали толком, были заняты обсуждением какой-то бытовухи, какой-то ерунды, и на мои вопросы Наташа только вежливо отвечала, но сама не делала попыток со мной заговорить, что-то рассказать, ей было неинтересно. Я даже подумал, что с таким же успехом можно было бы просто взять им такси.

У нас было запланировано, как только она приедет, на другой день мы с Наташей летим на Восток. Я там определяю ее на подготовительные курсы в институт, устраиваю на свое предприятие на работу, определяю как-то в бытовом плане, а потом, когда все будет готово, туда приезжает Петр, потому что без этой составляющей наши поездки после моего признания родителям уже нельзя было осуществить.

Тем не менее до того как мы сели в самолет, я успел ей сказать, что и смех у нее стал хриплым и вульгарным. Ты обрати на это внимание, сказал я, это ведь что-то обозначает.

drugu

А когда мы на Восток прилетели с ней, она стала вообще совершенная хабалка, распоясалась, повывлезло хамство со всех сторон, по принципу пинать лежачего ногами. Страсть какая-то. Я спровоцировал своей безропотностью и терпеливостью ее наглость, и она не смогла удержаться, находясь с этим своим милым быдлом на постоянной телефонной связи, которую она периодически возобновляла, говоря с ним часами, забалтывая меня, забалтывая мое присутствие, выживая мое присутствие, отдаляясь от меня.

От института она в городе отказалась. Возил к своему другу в институт, хотел помочь ей с поступлением на хореографическое отделение, самое ей близкое, — бесполезно. Студенты на

нее впечатление не произвели. И мне ответила грубо, что это ей не нужно. А зачем тогда приехала? Мне даже стыдно стало перед людьми, которые помогали мне ее пропихнуть на собеседование. Она вела себя везде как хамка. Я не знал, куда деваться. И каждый день болтала часами с Петром по телефону.

Разозлился наконец и сказал: пусть мужчина оплачивает телефонные разговоры, и она тоже встала в позу и оформила себе такой тариф, что говорит за совершенные копейки вообще сутки. И смотрит теперь на меня с торжеством. Говорит воистину непрерывно, даже ночью несколько раз меня будила тем, что, проходя в туалет через коридор с наушниками в ушах, она, не слыша себя, говорила во весь голос.

Приезд Петра мы запланировали через месяц, к тому времени она должна была устроиться на работу в мое предприятие и снять квартиру. Жить в моей квартире рядом с таким сумасшествием я уже не мог себе позволить и поэтому сказал, что найдем квартиру другую. Устроить к себе на производство я тоже не знал, как и кем. Из-за ее наглости. Она и там умудрилась повести себя по-хамски, чем отпугнула всех моих директоров и мастеров. Что из нее прет? Я поражался, как можно *так* себя вести с человеком, ну пусть не благодетелем, но с тем, кто тебе помогает? Но у нее что-то заклинило. И чем больше она говорила с Петром, тем более по-хамски себя вела. Как потом она рассказывала, он признался ей, что в молодые годы, до армии, перебивался даже рэкетом, модная такая «бригада» у них была. Так что одна эта характеристика определяла его как человека, его характер, воспитание и поведение, а следом и ее отношение ко мне, поскольку сама она к этой новости осталась равнодушной совершенно, приняла ее как данность, ее она совершенно не смутила, но все это стало через нее выплескиваться на меня.

Боша, все, от чего меня хранили в детстве: улица и мордобитие, совершенно для меня чуждые явления, — со всем этим я уже полгода рядом живу.

Глава 2

1

drugu

Нет, мне полезен будет этот опыт, размышления о любви, о себе, о Боге, опыт любви, не секса, не столько секса, а опыт любви и философское его осмысление, чтобы из моего мозга, из памяти о своей жизни, из нервной системы, из своей души опять вышибить ту искру, от которой загорается собственное понимание и озарение, которая оживляет все уже безвозвратно ушедшее в прошлое, разве это не полезно?! Но как больно! Какой дорогой ценой всегда платишь, а особенно сейчас, за эти искры. Счастливый человек ни о чем не тужит. Как ему легко...

Кстати, у меня не было такой любви к людям, как у Наташи. И вообще как у простых людей, как у баб, которые рыдают и глосят на кладбищах. Я никогда не плакал так при потере. Наташа тех, кого любила, как сестренку, например, и вообще, когда она любила, она любила самоотверженно. Я плакал всегда только из-за самого себя, от жалости к себе, от жалости, что остаюсь в одиночестве. И когда плакал при взгляде на несчастных и убогих, то тоже только потому, что объединял себя с ними, считал себя на них похожими. Никогда — о самом человеке. Только

о себе. А я воспитываю Наташу, ее жестокость обличаю, а ведь моя жалость и миролюбие — это совсем не достоинство. Это слюнявая жалость к собственной персоне.

Вот разговор наш:

— Я лидер, я властолюбивая, не успокаиваюсь, пока не обращу на себя внимания и не добьюсь своего. А когда предлагают, например, в компании: пойдём в парк, — и не я инициатор предложения... Я даже, если соглашусь, то все равно сделаю так, чтобы несколько в другое место пришли. Чтобы все равно было по-моему.

— А ведь я, — говорю я, — тоже властолюбив. Только тихушник. Мне скажут, если повторить твою ситуацию с парком, я через силу, через нежелание, но пойду. Идеино себя настрою. Как бы обязан подчиниться обществу. Сознательно решусь, себя смирю. И именно туда, куда все решили, приду. Но я там обязательно испорчу всем настроение какой-нибудь пакостью, своим насупленным видом, например, своими обидами, своим недовольством, случайным и неуместным сведением счетов.

Боша, жена моя последняя права была, обвиняя меня в том, что у меня сердечная чакра закрыта. А я о Наташиной чакре пекусь. А у нее-то, видимо, фонтан, молодой фонтан, за счет которого мы все живем, и я, и ее пацаны, и Иришка даже; и Наташа, чтобы выжить, пытается закрыть его. А я резонерствую, критикую, поступаю, Боша, как охотник.

drugu

Лицо ее состоит из двух половин. И вторая половина лица — как у богини Морриган. Человек неоднозначен. Мне первая моя девушка говорила, что у меня один глаз ее любит, а другой — нет. Лицо чаще асимметричное. И за одним только выражением глаз скрывается при внимательном любовном рассмотрении очень многое. А в Наташином лице есть что-то мистическое, именно в этой ее лица раздвоенности.

Как называли богиню из пантеона древнеевропейского эпоса с Одином во главе: Кельтская свирепая богиня войны и раз-

рушения, в ирландской мифологии прозванная Морриган, богиня созидания и разрушения. Две ее противоположные ипостаси.

2

okhotnik

milashke

Ты находишься в потоке моей любви. Я знаю, какое это серьезное явление, моя любовь, *мой поток*. Любовь, накопленная годами отречения, одиночества, ухода от женщин в творчество, я знаю уже по опыту, что от этого нельзя просто так отделаться. И что-то мне говорит, что от меня ты не уйдешь. И вот сейчас, даже когда ты встречаешься с другим и продолжаешь не испытывать в близости с ним пресловутой высшей радости, я внутри себя чувствую, что это моя вина. Что это из-за моей любви. И знаю даже, скажем, где-то знаю, как сделать так, что нужно сделать твоему милому, чтобы эта радость у тебя была. Но мне для этого надо сознательно пойти на то, чтобы этим знанием хотя бы с тобой поделиться. Мне кажется, даже инструментально я знаю, как это сделать. Но мне надо позволить. То есть нанести себе ущерб. И хотя я из любви хочу, чтобы тебе было хорошо, все же из эгоизма я не решаюсь. Тут-то и мои мучения, и собственная борьба с самим собой и со своей совестью. Если люблю, в любом случае я должен для нее сделать хорошо. Но я ведь все же хочу, чтобы ей было хорошо именно со мной.

Все, что я говорю тебе, все, что совершаю такого бескорыстного, как ни объясняю тебе мир, как ни пекусь о твоём образовании, совершенстве, здоровье, какие парапсихологические каналы, по которым я тебя чувствую, не объясняю тебе, все это правильно и имеет место. Но вместе с тем имеет место и другое...

okhotnik

Вот, ты целуешься с ним, я звоню и говорю: ты талантлива, тебе надо танцевать, пойдешь в институт, звездой станешь — и понимаю, что сбиваю тебя с возбуждения, с твоего душевно-

го соединения с ним. Оттаскивая душу твою прочь, в тщеславие, в толпу. Хитростью.

Действую на тщеславие, соблазняю: красива ты, достоинств, одаренностей столько! И вижу, это тебя цепляет.

Когда я говорю тебе, что ты красива, что на большее способна, что красота неимоверна, про твой шарм, — я ведь прекрасно знаю, что этим тебя отвращаю от семейной жизни, какая тебе нужна, отвращаю в сторону свою, в легкость, в искусство, в легкомысленность. Пусть в тебе есть и то, и другое, но что важнее — патриархальное и Божеское или цивилизованное и мирское?

И когда я говорю откровенные вещи, показывая этим свое понимание твоих проблем, — о девственности, о месячных, о приобщенностью женщин маткой к космосу — я делаю это сознательно, зная, что это действует, что девочка проникается ко мне доверием и привязывается ко мне. Ты власть над ней как бы приобретаешь, обозначая ей все тончайшие движения ее души.

И это очень располагает нас друг к другу, и нам очень интересно обсудить вдвоем это мужское, да и женское, поведение в любых ситуациях. И я здесь, видимо, обретаю свое удовлетворение, во власти над ней, в обладании ею, хотя бы от того, что я опытнее и умнее, от своего превосходства над другими мужчинами и мальчиками, с которыми она о таком не может поговорить и таким поделиться.

Ее моя взрослость и опытность в вождении автомобиля, например, даже подкупают. И уж я это использую!

Дать понять, что я все о ней знаю. Как она влюбляется и что чувствует. Сказать: «А он потом взглянул на другую, и у тебя все перевернулось в груди, и ты, не любя его, вдруг понимаешь, что его любишь, и страдать начинаешь». И все — она уже твоя.

И конечно, она всю жизнь будет ко мне стремиться...

Вот она уходит с Петей, взяв его нежно под руку. А не со своим ли чувством ко мне она борется?

И сидит во мне убеждение, что она моя. Что только пытается сопротивляться. Пытается убежать от этой неизбежности.

okhotnik

То, что тебе всегда с ровесниками будет немного скучно, — это моя зарубка на тебе, моя метка, мой яд, который я дал тебе, нельзя сказать, что совсем уж неосознанно. Честно сказать, я бы хотел, чтобы ты не могла без меня жить вообще. Это любовь. Вот что делает любовь. Ты просто кокетничаешь и тоже хочешь, чтобы тебя не забывали, а носили в душе вечно, это льстит твоему тщеславию. Но у тебя все это легковесно, ты в мыслях парней ненадолго, а у меня тяжелая артиллерия, и я знаю по опыту всю силу своей любви к другим. И мне бы не надо было все это с тобой делать. Но трудно удержать любовь.

okhotnik

Сегодня сбил гуся на открытии охоты. Открытие было раннее, народу немного, близко никого, и я добивал его, раненого, потом еще несколькими патронами, гонясь за ним меж кустов. И когда убил, когда спал азарт, порыв, так стыдно было смотреть на его агонию, и хотя красота и богатство добычи, этакое жадное чувство обладания пересиливало иногда жалость, но потом опять охватывало мучительное чувство вины. Такого красавца, матерого гуменика я убил в первый раз.

Стал часто испытывать на охоте жалость. Нет уже той сжигающей страсти, которая не оставляла места ни для чего.

Взял гуся на подсадную, егерь услужливо мне ее сам подвез. И опять задумался об опытности и хитроумности охотников, о хитростях человека, использующего в период гона и брачных игр подсадных зверей и птиц, задумался вообще о подлости. В философию бросило, это на охоте-то!.. Где прежняя одержимость? Все-таки встал уже на путь, который приведет в конце концов к полному успокоению.

Потом побродил по лугу с запахом новой свежей земли, и хоть на время это принесло умиротворение...

3

Боша, это ведь я придумал взять на восток Петю. Как охрану ее и для постели, но душа должна быть моя. И, может быть, буду ждать, пожалеет и меня, хоть иногда. Но главное, что наставляю ее я. Тело только там. Но не уйдет ли и душа с телом?

Говорю себе, что надо радоваться тому, чтобы с ним ей было хорошо, всякую ерунду говорю... Но плохо получается.

Сказал ей в момент ссоры, когда она мне про свой растоптанный цветник заявила:

— Ты возбудиться можешь с кем угодно, позволить себе можешь влюбиться в кого угодно, их можно заменить одного другим. Но меня ты никем не заменишь. Как папу и маму.

На работу ее не берут. Очень сложно стало, я недоволен, конечно, своими работниками, но понимаю их. Говорят, она хищница, которая хочет отобрать предприятие, как с ней работать? И не могу переубедить. Я вообще в растерянности. Приходится ее же еще и выгораживать...

А сегодня даже поругались, надо было ехать ко мне на работу, сначала не хотела надевать костюм. Хорошо, не надевай. Но потом на мой нравоучительный и ироничный тон: что ты смотришься в зеркало все время, надо смотреться с юмором. Легко...

— Что, я должна смотреть и обоссываться?

Специально так сказала. Напрашиваясь на скандал.

— Ну и что ты хочешь от меня услышать на это словоупотребление?

— Знаете, должен ли работодатель интересоваться моей речью?

То есть в самое важное место ткнуть, прекрасно знает, что я ее языку учил. Хочет поскандальить.

— Про работодателя это вы с Петей выдумали?

Опять изображает самодостаточность и уверенность в себе.

— Как работодателю мне не нужна сотрудница-невежа, и моя культурная программа обязательна.

— А мне не надо ваших условий, что я с вами должна еще и в театр ходить.

— По-моему, главной задачей было сделать из тебя личность.

— Личность опять? Да я и так личность. Нечего из меня делать.

— Да, пожалуйста, ты свободна, можешь идти на все четыре стороны.

— И пожалуйста. Покупайте мне на завтра билет.

— Хамло ты была, хамлом и осталась.

Я бросил ее дома и, злой, уехал на работу один.

Потом, после обеда, поехал лечить ей зубы, потом по записи в клинику «Приват» посмотреть на опухоль груди, что-то там образовалось, и она занервничала. Едем, она опять разговаривает по телефону. Объясняю: неприлично говорить, сидя в одном объеме машины с одним человеком, по телефону с другим. Причем бесконечно. Взвилась вся, в бешенство пришла, и готова выскочить из машины. На перекрестке еле удержал.

— Мы едем в клинику. Есть договоренность. Хоть тут меня не ставь в неловкое положение.

Кстати, припухлость эта оказалась безопасная. Мастопатия.

Спросил: почему ты так издеваешься? Порой думаешь: зачем такая жестокость? Ты же понимаешь, что изводишь меня. Может быть, этим обнадеживаешь?

Подумала и придумала какую-то ерунду. Отвечает, чтобы зацепить больше, чтобы человек всегда был чуть обнадежен, на привязи, с одной стороны, а с другой — всегда не уверен, и можно было бы от него отделаться, но остаться друзьями.

— А если вот была бы у нас с вами любовь и мы расстались, то друзьями не были бы уже.

— Да ты глупая, разве таким образом дружбы добиваются?

drugu

Пришла девочка, посмотрела на мое одинокое житье и сказала, что ведь можно было бы тут у камина вдвоем посидеть и посмотреть телевизор. И этим испортила всю мою жизнь.

Я люблю как поэт. Поэзия — это образ жизни, поэты всю жизнь ищут любви. Чтобы попасться. А не как крючки расставлять и кого-то заполнить.

Боша я понимаю, что все это суета. И что мне не нужна эта халка. И что это счастье, что меня пронесет мимо. Но процесс запущен, и остановиться не получается. Надо терпеть. Мало того, не получается самоуспокоение, мантры и молитвы на этот раз не срабатывают, не могу сосредоточиться, непонятно почему. Не могу эмоцию погасить рассудком, не получается, как обычно я это делал убеждением себя и отречением, голоданием, природой. Когда убегаешь в природу от всего, и мир становится пронзительным и прозрачным как стекло. И все происшедшее с тобой лишнее раз подталкивает тебя к покою, на твоём языке, к нирване, но не могу, нет покоя! Нет выхода. Нет способа утишить боль. Только ждать. Кстати, почему все жены у меня были стервами, ты мне не можешь сказать? Это какой-то стереотип, я всегда попадался на одну и ту же наживку, в одну и ту же ситуацию. Какая-то строго определенная, заложенная в меня программа. Точно так же, как заложенная в нее противоположная программа, доводить до иступления, даже до самоубийства (как ее бабушка), влюбленных в нее людей.

Я предполагаю, вот что происходит: когда я страдаю, когда в отчаянии, когда в грудь как будто кол забили, когда просто кричать хочется и, закрывшись один в доме, орешь, что связки дребезжат. Когда апатия, депрессия, и даже солнышко не в радость. Готов что-нибудь сломать, обида глохнет. Это потеря энергии. У меня же и с женами было так. Когда я сильно любил, они решали практические задачи, за кого выйти замуж, и в конце концов с зачатым ребенком от другого уходили ко мне. Такой у меня алгоритм любовных отношений. Когда мой поток любви к кому-то не возвращается ко мне как отражение, а тратится на кого-то, на жениха любимой, на близость с ним, да просто на

любовное к нему чувство. Вот тогда осознаешь, как уходит все твоё туда, как в прорву. Как воздух со свистом в безвоздушное пространство. И используется для их, уже посторонних для меня чувств, движений и дел.

Главное, когда делаешь усилие и отнимаешь эту энергию, то есть через «а, наплевать, никто не нужен, черт с ними, бери портфель иди домой», и возвращаешься к заботам, к работе, к творчеству, например, то становится легче, любая деятельность отвлекает. Но сейчас я и деятельность никакую не могу осуществить.

Nadehzde

Александр Борисович уже стал управляемым. Я выстрою схему. Все устрою. И у меня будет свобода. Я добьюсь ее. В его лице у меня уже есть защита от папы, и я смогу вести жизнь, какая мне нравится. Петька — это так, суррогат. Главное — это свобода. Останусь с Александром Борисовичем здесь...

Но помнишь, он прислал мне смску: «спасибо, что подумала обо мне». Ни с того ни с сего. А мы с тобой в этот момент как раз о нем говорили, Петька даже рядом был, и я рассказывала о том, как много Александр Борисович мне дал, и говорила о нем с благодарностью, говорила, что с ним я стала другая. Он так меня всегда чувствует. Никто не будет меня чувствовать так, как он. Так понимать, как он.

Кстати, вот сейчас мы с ним не разговариваем, в затяжной ссоре, и я уже разучилась говорить длинными предложениями.

Твоя Натуля.

Боша, я написал ей такое вот письмо...

milashke

Я сегодня представил образно, как все ваше семейство, я и про родителей говорю, которые тоже благополучно эксплуатируют мое хорошее к тебе и к вам отношение, расходует мою любовь. Конечно, осознать, что моя любовь вам помогает, можно будет, только когда она исчезнет, сейчас же вы думаете, что вам во всем просто везет. И ребенка мама твоя ждет, и с работой у вас стало

получаться, и братик твой стал спокойнее в школе, и тебя вот они пристроили ко мне. А это вам просто помогает чувство любящего человека. Ведь зачастую большинство людей любить не умеют и поэтому не знают, что любовь может творить. Большинство не любят, трусят любить и только пытаются поймать в свои сети любовь другого человека и ее практически использовать, ну и еще могут установить половой контакт двух тел. А чувство любви, когда человек отдается, расходуется, им самим неведомо, и им непонятно, во что превращается чувство, когда оно, отражаясь от любимого человека, возвращается назад и таким невероятным образом охватывает обоих, настолько сливает души и поднимает высоко, что потом даже при воспоминании у людей слезы наворачиваются от счастья, что такое в их жизни было. Но нет, этого большинство боится как огня, помня, что дальше идут страдания. Вам этого не надо, вам нужно ровное, слабенькое, лишь только для поддержания обогрева организма и помещения тепло, для устройства вашей меркантильной практической жизни. Сумасшедшие страсти не требуются. Не холод и не жар, а так, тепленькое.

Впрочем, может быть, тень этой любви будет и в дальнейшем сопровождать ваше семейство. И все у вас будет хорошо. Я искренне желаю, чтобы у вас все было хорошо. И не жалко мне энергии и полугода, что я на вас потратил, потому что вы на самом деле симпатичные мне люди, и я вас люблю.

Вряд ли мы с тобой, Зайка, останемся друзьями. Дружба между мужчиной и женщиной — это остаточное явление власти одного сильного человека и подчинения и привязанности к нему другого человека, слабого. Ты влюбленных в тебя людей обращаешь в друзей своей силой. Но дело в том, что слабого навсегда ты из меня не сделаешь и привязать на этой основе к себе как друга, чтобы при случае пользоваться, как ты пользуешься своими друзьями, тебе меня не удастся, ты тут себя переоцениваешь; ваша семейная наследственная гордыня, когда вы осознаете себя в мире самыми главными, тебе застилает глаза, из нас двоих сильный все же я. И я опытный. И я более значим. Извини, пока это однозначно. И пока я являюсь тем, кто отдает. У меня было что отдавать, то, что на меня сверзилось, и я это делаю. Но Провидение снисходительно взирает на то, что поток этот может иссякнуть по

вине человека, на которого он был направлен, из-за корыстного использования этой энергии, из-за затыкания ею дыр в личных отношениях, как затыкают случайными деньгами дыры в местном бюджете. Получается, что поток, не найдя отражения, ответного отражения, и неуважительно воспринятый, и бесконтрольно, неблагодарно и потребительски использованный в разных местах; образно представить это как бы арыки, множество арыков от одного главного большого канала, быстро все это разведено и употреблено (отдающими на физиологическом уровне эта бесконечная отдача ощущается как полное обезвоживание, депрессия, сумеречное состояние, бессонница, суицидальные мысли и полный упадок сил), так вот этот поток может быть перекрыт. Иначе это и для дающего оказывается катастрофой. Хотелось бы верить, что Провидение вспомнит наконец и обо мне...

Я бы, может быть, мог и дальше продолжать любить, но ты потребительница, ты даже любовь наших душ умудряешься включать для практической пользы, это меня вообще убивает, в ужас повергает, когда я думаю, как ты, вдохновившись душой, потом можешь занять эту душу с другим, употребляя ее на какие-то пустяки и мелочи.

Боша, она как природа. Она переменчива. И что, так всегда жить?

Nadezhde

От Наты

После Маши я не хочу никого любить. Не хочу влюбляться. Самая страшная боль — это когда ты теряешь близкого человека.

drugu

Вот что я написал ей:

Душа твоя согласна на близость со мной. Что тебя останавливает, тело?

Если у нас не будет близости, я буду всегда заискивать и ждать от тебя одолжения. Я не смогу тебя строить. Работы не получится. Воспитания тоже.

Ты даже на людях не можешь проявить благодарность и симпатию в мою сторону, хотя говоришь, что я много для тебя сделал. Почему? Либо ты относишься ко мне слишком хорошо и боишься обнаружить это на людях, либо это просто свинство, такое отношение к человеку, который тебя опекает и о тебе заботится, который является твоим начальником по работе, к тому же. Когда ты даже на его телефонные звонки можешь не отвечать, ссылаясь на занятость более важными разговорами.

Даже Петя сказал, что не будет при мне с тобой обниматься. А ты-то зачем при мне столько говоришь с ним по телефону? Ты же знаешь мое к тебе отношение, это зачем, скажи, что это обозначает?

Боша, я же не могу признаться, что ошибся, по крайней мере признаться в этом так быстро.

drugu

Она рассказывает, что с Петром своим они делали это по два с половиной часа. Она-то не понимает по своей наивности еще, но, похоже, у него какая-то патология, во-первых, обрезана крайняя плоть почему-то, и не на религиозной почве, он и не церковленный ни в какой религии, а по какой-то другой причине; он там что-то ей наобъяснял, навел туману, я так и не понял, что к чему, ей же несложно было голову задурить, тем не менее подвел к объяснению, что именно поэтому он это делает так долго. Боша, так сдерживать себя могли только даосы, согласись? Во всех других случаях это что-то ненормальное. Очень подозрительно. Может быть, в этом и была причина, почему он с первой женой расстался? А Наташа это еще и как достоинство выдает, когда хочет меня задеть, и представляет его этаким мачо. И хватается, что она совсем не устает. Представляешь, глупышка. Даже жалко ее становится. Но говорит, что ей все же приятно, что она доставляет человеку удовольствие. Как секс-машина. Для такого ненормального в половом отношении подобная не испытывающая оргазма девственница как раз находка.

Я было начал ей это объяснять, но она, естественно, вступилась за него, решила, что, напротив, это я от ревности делаю, и я понял, что лучше помолчать.

Как бы там ни было, сам он никакой неполноценности не ощущает. Да и на самом деле, у всех свои особенности организмов.

Все время путаю первый кайф от сигареты с тем ощущением, когда она обо мне думает издали.

4

Когда прилетели сюда, она, глядя с высоты делающего круг над городом самолета, заявила, что она победит этот город! Представляешь, какова степень гордыни? Даже неловко стало за подобные претензии и самомнение. Неужели это все, что я своим накачиванием веры в ее красоту в ней вызвал?..

Боша, тем не менее было и интересное...

В первый же день, как мы приехали ко мне домой, она созвонилась со своим мальчиком, Максом, с которым познакомилась у Иришки. И он специально из-за нее приехал к другу в наш город. Вечером пошла с ним на встречу.

Где-то встретились, потом подъехали к нашему дому, она вышла из машины, поднялась в квартиру, сказала, что задержится чуть-чуть еще сегодня, сказала — недолго и опять спустилась к нему. В отличие от ее поездки с моим сотрудником зимой, мне на этот раз было совершенно все равно, никакой боли, полное какое-то равнодушие, может быть, потому что с моего позволения? Поехали за «Ягуаром». Чуть-чуть, правда, поскребло потом где-то внутри, может быть, потому что обо мне со стороны как о третьем лице ненадолго заговорили, но прошло.

— Он меня обнял как родную, — сказала она по возвращении.

— Это как?

— Всегда ведь чувствуешь, как человек к тебе относится, на день это или он к тебе что-то сильное испытывает.

Привыкаю. Смирять себя, конечно. И все равно с ней мило и смешно бывает порой.

— Макс меня на хоккей зовет.

— Ну и иди.

— Что я там не видела, на хоккее?

— Иди, иди куда-нибудь, я хоть отдохну от тебя.

Она смеется.

— От секса отдохну, а то уже устал смертельно. От всего этого, — и показываю на ее грудь. — Сердце уже изболелось. Ни днем, ни ночью покоя от тебя нет. Иди. Умоляю.

Она, довольная, что опять о ней, неотразимой, уже ухохатывается.

— Иди, прошу.

Но не пошла, побоялась телефонной проверки матери.

Говорю:

— Не повезло Макс. С другой стороны, это он, наверное, считает, что не повезло, а на самом-то деле, ему как раз и повезло, в отличие от меня. Может, пошла бы все-таки?

Она пребывает просто в счастье.

— Он же считает, что ты мягкая и пушистая, конечно, такая круглая попка, как легко обманываешься всегда. И конечно, не осознает своего счастья, что ты сегодня к нему не пошла. Боже мой, иди...

Потянулась ко мне, шутливость ценит, но на поцелуй не решилась. Только чокнулась со мной сигаретами, мы как раз курили. Поцелуи она из наших отношений уже удаляет, удаляет из отношений возбуждение. Отступает от данного обещания, сделанного у камина в середине романа с Петром, что я всегда могу ее обнять и поцеловать, что это позволено ее друзьям... Я уже ей и не напоминаю. Она теперь меня принципиально держит на расстоянии. По большей части, даже ко мне враждебно относится. Как к самому ненавистному человеку. О духовном нашем родстве и нашей близости теперь и не вспоминает. Практически постоянно агрессивна настроена.

Ругаемся часто. Но иногда все равно хорошо. А вчера опять ходила к Макс. и пришла возбужденная, разлеглась на тахте, на которой я сидел, положила мне на колени ноги. Потом переоделась при мне.

— Правильно, не комплексуй, — сказал я.

— Что думаете, не смогу? — и сняла лифчик.

Боже! Все-таки какая грудь!..

Но сказала:

— Какая я все-таки! Я буду Петке изменять. И, довольная, пошла в свою комнату.

Но потом поговорила с Петей по телефону (во весь голос, конечно, и с час), и все прошло.

А на другой вечер в двенадцать ночи опять пошла на встречу с Макс. Позвонила и назначила свидание. Не хотела, говорит, идти, с ним скучно. Путь к Деве (кем она является по Зодиак) лежит через юмор, а он не умеет ничего сказать. Ушла, и вот теперь чувствую ее возбуждение. Что же делать, сам же ее и возбуждал вечером словами, взглядами, заведя опять разговор, что она будет шлюхой... Сказал, что мужа своего она будет поколачивать.

— Правда, буду поколачивать своего мужа? — оживилась она и улыбнулась как-то радостно и в то же время смущенно.

— Правда, что ли?

Встала на стул завернуть лампочку в патрон на люстре, я поднял руки вверх как бы для страховки, но дотрагиваться не решаюсь, лишь поделал пассы в воздухе вокруг попы, но на расстоянии, получилось забавно. Она от смеха чуть не упала со стула. Но я все равно не дотрагиваюсь, мне теперь не позволено, еще и хлопнуть по руке могут. Ведь верность блюдет своему пацану! В то же время каждый день бежит на встречу с Макс. Не ко мне уже обращается за этим, как когда-то, а к постороннему мальчику. Меня она себе запретила. Это бесперспективно. Где-то около дома целуется с ним в машине. А может быть, и ... Да Бог с ними. Интересно, что почувствую?

Пете тоже, кстати, сказала, что сидела в машине с парнем вчера. Проверяет на ревность.

Перед уходом сняла лифчик из-под толика.

— Правильно, — говорю. — Чтобы удобнее было, а то еще пуговицы оторвет.

— Нет, этого не будет.

— Потом расскажешь, что ты ему позволила.

— Поспорить?

— Да нет, соврешь ведь специально.

— Нет, только целоваться буду. Целоваться обязательно. Чтобы я да не поцеловалась!

— Не засните, а то еще домофон не откроете, и придется мне ночевать с Максом, а это ни мне, ни вам не нужно. Ревностью потом изойдете.

— Не обольщайся.

Перед выходом получила сообщение от Пети: «поцелуй меня на ночь».

— Не буду я тебя целовать, — засмеялась и телефон в карман. — Пойду целоваться с Максом.

5

— Эх, какая ты, одному из-за тебя яичко отрезали (это Сергею), другому, что к тебе зимой из Химок ездил, оставленную им на обочине машину КамАЗ раздавил, пока он на обратном пути от тебя покупал в киоске сигареты, у меня из-за тебя на работе сплошные косяки пошли, все почему-то разваливается. Все от тебя страдают.

А ей и это приятно, даже если из-за нее все плохо. Ей все равно радостно. Лишь бы из-за нее, любимой.

Так их, Боша, научили. Кругом рекламные лозунги. Другого-то и нет в окружении...

Если бы она выдерживала линию неприступности и не перебарщивала, не сбивалась на вражду ко мне, все было бы еще сносно. Душа и духовная связь оставались бы наши. Но у нее какая-то грубость постоянно идет. Колбочка целиком наполнена содержанием Пети. А зачем мне тогда она вообще, этот сгусток враждебной, грубой и агрессивной энергии, кусок неодухотворенной плоти? Может быть, она перебарщивала, изгоняя меня, может быть, спасалась от меня, грубя, хамя и не испытывая никакой жалости? Ведь она и жалость ко мне искореняет, понимая своим неглупым умишком, что именно жалость и является началом любви. Поэтому жалости от нее мне уже не дожидаться, да еще агрессией подзаряжается от Петра постоянно.

И вообще какая-то помойка прет. Это как запинывать поверженного окончательно уже насмерть. Я ведь смирился с тем, что она мне отказывает. Но это ее только раззадоривает. Или это она так самостоятельность свою демонстрирует?

А по отношению к Петру уже какое-то даже чувство долга. С Максом еще можно ему наставлять рога, но со мной ни при каких обстоятельствах. Поэтому для поддержания против меня обороны держит эту Петину помойку всегда около уха..

Они вообще уже одним миром живут, хотели даже меня в него втянуть как-то и, разговаривая по телефону и неся какой-то жуткий бред про резиновых женщин, этакий юмор на уровне пояса, Наташа обратилась ко мне с намерением подключить к разговору: «из чистого латекса, третий номер... нет, шестой...» — смеясь и как бы изображая взрослость, как же, свобода, теперь ей обо всем можно говорить и о резиновых женщинах в частности. Что ей возразишь?..

Я ответил:

— Извини, Зайка, но это уже не по мне. Я все же интеллигентный человек, мне интересно было поиграть в твою ПТУшность. Но вечно оставаться в ней я не могу. Если ты не идешь за мной, нам идти порознь...

А может, это она готовит так меня в друзья. Великолепно готовит. Уже приучила не ревновать к случайным Максам. Потом приучит не ревновать к своему любимому. А там и спокойно эксплуатировать меня как друга.

Каждое утро в депрессии.

6

Вчера предложил:

— Ты себя в распутство уже опустила. Макс, потом еще кто-нибудь будет, давай договоримся. Если ты мне назначишь, скажем, один день в неделю, когда мы будем вместе и ты будешь моя, все останется как прежде, я, видимо, успокоюсь, оставлю мысли, как тебя бросить, чтобы избавиться от мучений, ведь

у нас с тобой уже было тело, и забыть и делать вид, что у нас не было, я не смогу, а тогда я буду продолжать о тебе заботиться и все приму, твоих Петей и кого угодно, и ко мне снова вернется удача.

— Это как вместе?

— Ну, ты на один день моя.

— Что, и в интимном отношении?

— Да.

— Что я, шлюха, что ли? Я решила строить жизнь с человеком навсегда...

— Это ты уже как-то слишком сильно...

— Я не собираюсь ему изменять.

— Все, вопросов нет.

— Да чем вы лучше птушников? Тоже только постель, с боссом я должна спать. Как и положено.

— Ты хоть отдаешь отчет в том, что говоришь? Это у тебя от Петра?

— Да пусть бы и так.

— Ну, понятно, с боссом нельзя, можно только с птушниками. Все, я снимаю свое предложение. Больше на эту тему не будем.

В зубном кабинете ей очередной раз врачи посоветовали, куда обратиться, чтобы прошлифовать шрам. На этот ее шрамик все реагируют таким образом, с невероятным активным участием. В самолете однажды совершенно какой-то случайный человек совал ей даже пять тысяч рублей, когда она возвращалась из туалетной комнаты, просто так, от избытка симпатии, поймав ее за руку, когда она шла по проходу. Она у всех вызывает особое чувство.

Предложение прошлифовать шрам она обдумывала целый день, потом все же отказалась.

— Не пойду.

Столько на этом было все же построено за жизнь, а тут расставаться. Молодец.

— Родители считают, что это они меня научили не бояться боли, а это я сама. Не плакать, не паниковать, не расслабляться...

Прикинь, короче, это обозначает, что я крутой пацан... Боша, похоже это на «глухая кудра бодланула бокра и курдючит бокренка»? Да разве не интересно? Или это я себя оправдываю?..

Весталки, святые девственницы при храме богини Весты, девственницы, посвященные богам. Они развивают дар ясновидения. Становятся прорицательницами. Сопровождают жреца храма. (Для справки. Вдруг кто не знает).

Поздно пить «Боржоми», когда почки отказали.

Боша, были у моей старой боевой подруги. У Иришки.

Спали с Наташей, как всегда, в одной комнате, но на этот раз на разных кроватях. Я просыпался в одно время с ней, как только она отрывала голову от подушки, и поворачивался в ее сторону. Но она говорила: нет, не хочу, Александр Борисович, уходите. И я опять опускал голову на подушку. А раньше перед тем как отвергнуть хотя бы утешала поцелуем.

Иришка дала ей опус «Он и Она». Иришка, как творческий человек, как человек от литературы, не могла, конечно, пройти мимо такого явления, как это мое сумасбродство, слишком, видимо, я этим бросаюсь в глаза, и написала повесть «Он и Она», про любовь девушки и очень немолодого человека, взяв наши с Наташей отношения за образец. Иришка, кстати, даже затащила меня к своему знакомому режиссеру в театральном институте познакомиться с учащимися его класса для — как я потом догадался — помощи в осознании ими, что такое любовь. Они там, похоже, по мне уже безоглядную любовь разучивают. Она, видимо, прожужжала обо мне все уши, помогая своему режиссеру в ученической постановке «Талантов и поклонников». И тут я, видимо, подвернулся очень кстати. Последний герой безоглядной любви, творческие люди не могут на это не отреагировать. Я даже с этим смирился. Да и на самом деле, когда я смотрел курсовые спектакли ребят, один из них по Петрушевской, а второй — что-то из Кальдеро-

на, я понял, что очень трудно сейчас молодым сыграть чувство любви, практиковавшееся в старой культуре ушедшего тысячелетия. В современном мире они этого не видят, не то что это сейчас не модно, это вообще не представлено, и если сыграть пьесу Петрушевской, пусть тоже из прошлого века, но о квартирном вопросе и месте, где жить, им хорошо удастся, и молодых и даже старых персонажей они играют отлично. Это им близко. Возня вокруг квартиры, молодым где-то спать надо и заводить семьи, конфликты со взрослыми и т.д. — это им все знакомо. И множество находок, и даже какое-то мастерство, и приятно на их игру смотреть. Но понять любовь по Кальдерону, с рыцарством и дамами, они не могут, сыграть такое им не под силу. Ходульно как-то все, схематично, без чувства. Потому что не знают. Нету тех чувств уже, нет тех старых чувств. Даже в читающей и интеллигентной среде их сейчас нет. Молодые рано взрослеют и начинают называть сексом любовь с младенческих лет. Кальдерон для них за семью печатями. Даже режиссер не может им объяснить. Это как глухих учить музыке. Так что, я, с моим-то теперешним постоянным выражением на лице, видимо, и правда полезен. Я ведь и на самом деле замечаю иногда, как люди на мне удивленный взгляд останавливают. Вот и Иришка увлеклась моим, подключилась ко мне, вчувствовалась в мое и написала свой опус. Ведь все это время она единственная из всех моих друзей искренне жалеет меня, всегда участливо выслушивала, во всем помогала и поддерживала, забрасывала письмами, убеждая, что Наташа меня все равно любит, она это точно знает, что Петр — это только действительно прикрытие для родителей и что Наташа меня просто так бросить никогда не сможет.

Она и в этот раз, разговаривая с Наташей, лила воду на мою мельницу. Расхваливала меня, критиковала ее кавалера. Почему-то они на самом деле полюбили друг друга, и разговаривать друг с другом им доставляет удовольствие. «Две шлюхи» прозвал я их. Правда, Диме это не очень понравилось...

Когда возвращались домой, Наташа, находясь под впечатлением от Иришкиной повести, берегла меня, не позволяла себе разговаривать по телефону с Петром, уважение проявляла. Во-

обще отбросила всю свою наглость и вызов, и самонадеянность, с которой все последние недели противоречила мне и учила жить.

Даже сказала по дороге, что ее самонадеянность и вызов и манера учить других — это, если честно, от неуверенности в себе.

— Боже мой, — я обнял ее и сказал: — умница ты, недаром я люблю тебя!

— Что, сказать, что такое происходит от неуверенности, — это ум?

— Да, для этого нужна смелость. Это умение сказать себе правду. — Вот ты сказала, что не будешь шлифовать шрам, так много на этом построено было, а ты отказалась, и я был очень рад. В том злом отношении ко мне за последние недели, и ведь специально злом, это было как светлое окошко...

— Когда ты начинаешь говорить подобным образом, так становится с тобой радостно. И я готов даже терпеть тебя еще неопределенно долго.

Ехали не торопясь, и я рассказывал про изменение отношения к деньгам в наших людях с начала девяностых и посейчас. Про то, что даже бывшие наши друзья-европейцы, партнеры по прежнему социалистическому лагерю, поляки и немцы, например, с сожалением говорят, что после дефолта девяносто девятого года с русскими стало скучно работать, они перестали быть отчаянными и бесшабашными.

— Вы тоже все тепленькие, все стали тепленькие, — продолжил я, — не горячие. И любите вы тепленько, нет сумасшествия. Ты какие-то практические планы строишь, уехать от родителей, покорить город, Петю себе как прикрытие. У Иришки в ее опусе все хорошо, и любят там красиво, и секс красивый, и хотя Она уходит от Него, все равно все красиво, но там нет главного, сумасшествия. А только так ведь и можно жить. Иначе тогда зачем все? Скучно вы живете! Иришка тоже такая же практичная и скучная, если разобраться, хоть и любит меня, за что я ей безмерно благодарен. Я и тебе благодарен в любом случае, столько лет у меня не было сумасшествия, ты мне его дала. Что бы там ни было.

— В тебе тоже есть сумасшедшинка. Выйти на улицу на дороге и пойти пешком в ярости. Смелость твоя...

— Отец, говоря о тебе лестное, всегда имел в виду твой авторитет, что ты имеешь авторитет, для него это высшая похвала и самое главное. Но это он от модного теперь уголовного мировоззрения набрался. Самое важное в тебе — это смелость.

— Мне от папы досталось, что я никому не могу подчиняться...

— Чтобы я тебя разлюбил, ты неправильный способ выбрала. Когда ты меня злишь, сознательно жестоко относишься, говоришь, например, Александр Борисович совершенно не умеет целоваться... Хвастаешься, что с Петей в постели занимаешься этим по два часа. И злорадно смотришь на меня при этом (ведь друзей ты так не злишь?..), мне начинает казаться, что у тебя, напротив, есть ко мне какое-то очень сильное чувство, и ты специально так его изживаешь.

— Нет такого.

— А вот побыла со мной две недели, хотя и говоришь с милым сутками, тем не менее и смех опять стал прежний, нежный, и красива стала опять, вульгарность ушла. Со мной красота твоя одухотворяется, когда ты ориентируешься на меня, как в эту зиму, ты начинаешь расцветать, ты ведь все та же колбочка, и когда входишь в другой слой, в мой слой, достаешь из себя много другого, невульгарного, начинаешь жить в этом слое, привыкать к невульгарному. И красива становишься невероятно. Ты практичная, помни об этом, об мою любовь ты зажигаешься и от нее расцветаешь.

И о недомоганиях своих тоже подумай. Они возникли с появлением Пети. Либо они из-за него, либо твоя душа плачет обо мне.

— Приедет твой пацан, этот Петр, опять твою духовность и красоту потребит, но в ответ ничего не даст, и ты опять скукожишься, как осенью листик. Я не говорю, что он плохой человек, но ему нечего дать. Пока, по крайней мере.

Как бы я хотел полюбить его, как твоего Сергея. Пока он вызывает у меня одну антипатию. А это было бы очень полезно.

Боша!

А сегодня она прочла Иришкин опус по телефону Петру. Конечно же, не могла не похвастаться, там же вроде про нее, по крайней мере прообраз она... И все, ликвидировала этим нашу связь. Нашу с ней общность. Нашу тайну. Все, чувствую, уже не испытывает доверительности ко мне и того, что сложилось после прочтения у Иришки. Все они уже обговорили.

— Про красивый секс-то прочла?— поинтересовался я.

— Конечно, он теперь спрашивает: а сколько свечей в канделябрах? Ха-ха...

milashke

Зайка, оставим любовные отношения, оставим всякую духовную связь, зайдем с другой стороны. С практической. Я ведь еще и предприниматель и умею на людей смотреть еще и как эксплуататор, как на товар, с той точки зрения, что от них можно получить. Мое мнение еще и профессиональное. Когда я говорю тебе, что ты одеваешься безобразно, я, очень мало понимающий в женских нарядах, все же оказываюсь прав. К моим словам стоит прислушаться. Поверь, я не специалист по одежде, но вкус и интуиция у меня присутствуют. Я часто вкладывал в своих сотрудников деньги и время, лишь интуитивно чувствуя за ними какие-то способности, чтобы реализовать эти способности в дальнейшем. И часто это приносило мне пользу, оказывалось, что потраченные на них деньги и время были потрачены не зря. Из простого компьютерщика можно было сделать коммерческого директора, из простой сборщицы — дизайнера или менеджера. У меня есть это хозяйское отношение к людским ресурсам. И это надо бы использовать. На основе любви к тебе у меня был в том числе и определенный практический план, касающийся тебя. Образование, воспитание и работа. И все потраченные на тебя время и средства, и все твои собственные усилия, я знал, можно будет потом с толком и с пользой вернуть. По крайней мере с пользой для тебя. Хотя и я мог бы на отдачу рассчитывать. Я знал, что процесс этот может нарушить женитьба, рождение ребенка, реализация планов могла быть отложе-

на надолго воспитанием детей и работой ради заработка, знал, что может и застопориться совсем по всяким разным причинам. Ты все застопорила без всяких причин. Деньги, усилия, время я в тебя вкладывал впустую. Досадно еще то, что все, что я вложил в тебя, ты считаешь несущественным и стараешься рьяно выбросить из своей жизни, опять вернувшись в свое знакомое птушное состояние.

Я не стал платить за твой телефон, не стану оплачивать и проезд твоего суженого сюда и ваше совместное с ним здесь проживание. У тебя уже есть мужчина. Это теперь его обязанность обеспечивать вашу жизнь. Теперь пусть он старается сделать ваше с ним существование приятным и счастливым. Ваши исключительно внутренние сиюминутные проблемы меня уже не касаются, даже вопрос ежедневного питания для меня не стоит. Другое дело, до конца отремонтировать твои зубы, потратить на это время и деньги, я еще готов, понимая, что самой тебе это не осуществить в силу определенных обстоятельств. Как знать, вдруг ты все-таки захочешь быть когда-нибудь востребованной не только твоими любимыми птушниками, которых удовлетворит, в общем-то, и твоя пухленькая попка, но и широкой аудиторией; вдруг ты все же очнешься и задумаешься об этом опять, тогда сохранность твоих красивых зубов будет просто необходима, с плохими зубами неприлично, плохой тон показываться перед аудиторией. Тут-то моя забота и пригодится. Помня об этом, в зубы я вкладываться готов.

Пацаны приходят и уходят, а зубы остаются.

Какие афоризмы начал выдавать, скажи, Боша!

Ты меня строишь специально, Зайка, ты не хочешь меня любить несколько, тебе страшно? Я ломаю все твои выстраданные планы? Ты бежишь от чувства? Закрываешь сердечную чакру? Я так страшен для тебя?

У меня половое возбуждение, когда она возбуждается с Петей. Или от ее мастурбации. Они там по телефону уже, по-

хоже, начали какой-то телефонный секс. Я уж не говорю про то, что, когда она возбуждалась от меня, я сразу впадал в неистовство. Просто до безумия. А когда у нее нет возбуждения, я не могу ничего с собой поделать. Чувствую себя просто импотентом.

То, что она предала все наше окончательно, когда прочла Иришкин опус Петру (ведь ей надо было как-то еще и объяснить описанный в повести секс...) на меня подействовало как-то умиротворяюще, утихомиривающе. Я даже перестал горевать. Даже любить как-то перестал. Видимо, я люблю-то ее с той частью души, которая мне близка. А той части души уже нет. Вечером подумал о том, что можно было вы завести себе девочку с работы нашей, взять ее в тур куда-нибудь; девочкам с нашего производства я вдруг стал интересен, как только они поняли, что я, оказывается, «слаб насчет женского пола», начали проявлять ко мне знаки внимания, охотно откровенничать, кокетничать, даже дотрагиваться до моей руки. Реально как-то представил эту девушку с собой. И утром мысли о близости с ней. И встал более спокойный, к Наташе не тянусь. НЕ СКУЧАЮ. Неприятна она даже стала где-то своей ПТУшностью, воинственной ПТУшностью, в которую целиком уже обрядилась. Прошел курить на балкон мимо нее, спящей. Возвращаясь обратно, увидел совершенно голую ее попу. Простыня задралась, когда она на бок поворачивалась. Оценил, прекрасная попа, волнует. Но крыша не съехала. И прошел мимо. Даже где-то без сожаления. Злюсь, конечно. И хотя на работе у девочки не оказалось загранпаспорта и она дала понять, что у нее есть милый, я не особенно расстроился, но и к мыслям о Наташе не вернулся.

6

Наконец, последнее: снял ей квартиру. Где они будут с Петром жить, когда он придет. Однокомнатная, на краю города. Но в новостройке, недалеко от нашей работы, и есть холодильник, ванная, телевизор, в общем, все.

Отвез ее в новый дом.

— Ну, все, будешь сегодня ночевать здесь.

Она сделалась такая робкая, ни разу в одиночестве не оставалась. Ей и радостно, что она в *своей* квартире, но и страшно, что одна.

— Поэкспериментируем, — сказал я, — все надо в жизни попробовать.

Купил ей кое-какие штучки по хозяйству и уехал с облегчением. По крайней мере, не будет никто у меня дома по телефону сутками с милым говорить, изводя и высасывая при этом из меня всю психическую энергию. На двоих причем. Чуть-чуть грустновато иногда. Но НЕ СКУЧАЮ!!! Просто красота.

— Я очкую, — сказала мне напоследок. — Маме позвоните, пожалуйста, объясните, что я одна сегодня в квартире ночую, а то ведь она с ума сойдет, скажите что-нибудь сами.

— Позвоню, скажу. Но не переживай, ничего с тобой тут не случится. И ей объясню. Замки надежные. Балкон закрывается. Утром заеду за тобой и отвезу в аэропорт.

Договорились, что я ее на майские праздники отправляю к родителям, а оттуда они уже с Петром приедут через неделю на поезде самостоятельно.

Что и проделал с утра совершенно машинально и отправил ее без всяких лишних слов.

Она еще сказала:

— С вами раньше можно было поговорить, а теперь — нет.

Но я на это уже не обратил никакого внимания, все очень надоело, и проводил ее в накопитель.

И чтобы перевести дух, чтобы не сойти уже окончательно с ума, чтобы расслабиться, в тот же день взял первую попавшуюся горящую путевку в теплую страну и улетел на неделю в Тунис чартером через полсутки.

Глава 5

1

milashke

Tunis

Наш брат все равно везде хорош. Поскольку тут и алкоголь включен в «олл инклюдид», то русскому подают в барах водку не на доньшке, как всем, наученные, не целый стакан даже, а сразу вазу. Потому что наш брат все равно потом кончает вазой. Один наш абориген надрался вчера так, что жена его не могла увести в номер, 95 кг весом, а заснул он поперек топчана, коленями на траве. И растолкала только под вечер, посинел даже от холода. Так на другой день немки всё подходили его по головке гладили с сочувствием, мол, «как ты выжил?» Кстати, некоторые немки тут загорают топлес. Вот бы тебя сюда, ты бы тут зажигала, потому что их груди, конечно же, не сравнятся с твоими. Твоя грудь — это общественное достояние. Когда я пытался тебя свести к художникам, к которым ты идти струсил, как я ни убеждал, я имел еще и тайную мысль, что кто-то возьмется тебя написать. Любой художник не сможет не оценить и не клонуть. Потому что красоту нельзя оставлять невостребованной. А так, может быть, со временем наконец в Третьяковку попадешь. И будет в Третьяковке висеть красивая женщина, а не все эти задрюги, которых мы с тобой смотрели тогда...

drugu

И в Тунисе сплю с той же мукой. Ничего не изменилось, все время в депрессии. Что они там, заявление подали, что ли? Или гуляют ночью долго, и я из-за этого ворочаюсь в постели. Дома-то родители их вместе не кладут, так что, когда они дома, я более спокоен. Кстати, родители считают, что у них до свадьбы должны быть стерильные отношения. Ты представляешь, оказывается, родители предполагают, что ребятишки и на Востоке в отдельной квартире будут спать на разных кроватях, и Петр будет ее только охранять. Что он приставлен только для охраны. Когда я это узнал, я подумал, что они вообще клинические идиоты. А может, полнолуние действует на меня? Или на них... Не могу заснуть...

milashke

Еще не договорил про художников. Я хотел тебя к ним свести с тайной мыслью подтвердить свое убеждение в существовании твоей харизмы. Увидят ли они? Или я обманываюсь из-за своей любви, которая глаза мне застилает? Хотя, впрочем, чистоты эксперимента не получилось бы все равно, ведь я был бы рядом, я был бы с тобой, реально или виртуально, и если у тебя ее нет, то именно из-за потока моей любви, я думаю, они все равно бы увидели и признали твою харизму.

Думаю, все равно твоему портрету висеть бы в Третьяковской галерее...

купаются тут тоже только наши психопаты. Немцы на солнце мясо греют, в лучшем случае в бассейн окунутся, а русский Иван лезет в холодную воду, даже синее, но купается. Он же на море приехал...

Я жлоб. Я тебе в этом никогда не признавался. . Помнишь, когда ты отказалась передать от меня десятку на автозаправке заправщику, сказав: «Что можно на десятку?» Ты была права. Если можешь дать и дать решаешься, надо тогда уж давать больше, не считаясь, не подсчитывая, сколько человек может таким путем на своем месте заработать. Я об этом своем жлобстве и привычке считать чужие деньги тут вспомнил, когда поймал себя

на том, что ввиду отсутствия в барах бесплатного коньяка, перешел из экономии на джин с тоником. Впрочем, хороший напиток, когда он со льдом и со «Швебсом».

Хотя это в то же время и профессиональное: только так, не транжирия и все время их считая, деньги и делают. Похоже, я еще не вышел из стадии первоначального накопления капитала...

2

Что надо сказать Наташе и Пете при встрече. Или написать. Или послать им мейлом...

Зайка, надиктовал тут на телефон лекцию для вас с Петей, считал, что это вообще уже последнее из того, что я тебе скажу, думал уже итог подвести и на этом закончить. Мало того, даже подумал: а зачем тогда вообще писать тебе? Какой смысл? Но тем не менее переписал на компьютере, и искушение послать тебе возникло. Что, зря старался, что ли? Так что шлю вам текст электронной почтой:

Natashe-Petru

Я к тебе, Петр, признаюсь, не испытываю особой симпатии. Вообще никакой симпатии не испытываю. Наташа говорит, что это все ревность. Что это все от ревности. И где-то она права. Но тем не менее сказать, что это всего лишь ревность, просто ревность, мало. Это, пожалуй, даже и ничего не сказать. Потому что у меня не просто ревность, у меня вселенская скорбь. Вселенская обида.

Ведь та девочка, которой я восхищался, с которой сдувал пылинки и оберегал целых полгода, с которой занимался воспитанием, стараясь дать по возможности все, что имею, чтобы вытащить ее из — как мы с ней это уже определили — птушного болота (и надо сказать, ведь что-то получалось, каких-то результатов мы достигли, и я, и Наташа, и это было очевидно для всех). Так вот эта девочка с появлением тебя, Петр, благополучно возвращается к своей покинутой птушности опять. Начинает вести себя грубо, развязно, по-хамски. На моих глазах девочка превращается в грубую швею-мотористку.

Вот, кстати, ты, Петр, видел когда-нибудь (да видел наверняка), как Наташа сидит за столом? Какая у нее осанка. У нас с тобой такой осанки быть не может. Да посмотри вокруг, особенно среди вас, птушников, такой осанки ты нигде не найдешь. Это царственная осанка. Или, например, наблюдал, как она ест? Может быть, при тебе она стала есть как чувырла, но в принципе как она может есть? Смотреть на то, как она отправляет кусочек в рот, — да за ним просто следить хочется, на это можно залюбоваться, этому не научишь никаким этикетом, никакими уроками и пособиями, это идет изнутри, утонченная красота... Или как она говорит... сколько у нее оттенков голоса, сколько интонаций, какой широкий диапазон! Как она может менять силу голоса, высоту его. Когда она стала следить за своей речью и избавилась от своих диалектных ошибок, она вообще приобрела привычку говорить правильным литературным языком, так что при определенной подготовке, может уже попробовать работать, скажем, диктором. А какой смех! Который ты тоже, кстати, испортил. После тебя она стала смеяться часто каким-то низким, дребезжащим, грубым, вульгарным смехом. Именно после поездки с тобой в Воронеж. До этого я такого смеха у нее не замечал. А артистизм ее... У нее масса задатков. Она удивительно одаренный человек. Какая-то в ней есть внутренняя, ею почти не используемая культура, и мне упорно было все эти месяцы доставать из нее то, что у нее хранилось невостребованным где-то внутри, извлекать все это на свет, привносить что-то еще и делать из нее... не знаю, существо какого-то, что ли, более высокого порядка. Так вот это существо, на которое я молился, считай, носил на руках... приходит какой-то птушник и опускает, лишая всего, чего девочка добилась, всего за несколько дней ниже плинтуса.

Наташа, я прошу прощения у тебя за фразу, какую сказал, что хамлом ты была, хамлом и осталась. Я неправ был, извини, ты не была хамлом. Даже когда ты общалась со своими подругами, ты все равно была достаточно воспитана и достаточно интеллигентна. Но вот этот последний месяц с Петром — это была для меня просто катастрофа, на самом деле, вселенская обида. На что потрачено время, душевные силы — и все это одним

махом никому не нужно! Ну, Наташа как губка, она впитывает в себя отношения и поведение того окружения, в котором в данный момент находится, и становится равной тому человеку, с каким она в данный момент общается. Мне вот даже не надо узнавать, какой ты есть. Мне по Наташе, как в зеркале, видно, что ты из себя представляешь. Ведь Наташа приезжала на наше производство, и наши мужчины, начальство готовы были носить ее на руках, она восхищала их — это до тебя, Петр, — души в ней не чаяли, такая была девочка. Приехала она после тебя, они ее боялись даже взять на работу. Тут я их не оправдываю, поскольку это против моей воли, но тем не менее они все от нее в шоке; она пришла с апломбом, высокомерием, самомнением — узнаю твои черты — с каким-то даже нахальством, она и по отношению ко мне себя сейчас так ведет, с лицом какой-то прожженной хищницы, и вот всего-то надо было пообщаться с тобой месяц. Я против тебя лично ничего не имею. Может быть, ты где-то там милый человек, в среде и на уровне спортсменов и казармы. Я сам прошел армию, я знаю этот уровень, и спортсменов я тоже знал, были у меня в друзьях спортсмены, о которых я в свое время очерки писал, и с восторгом писал, прекрасно их преподносил публике. Но я все равно знаю, что это за мир; это все же достаточно по чувствам примитивный уровень, менталитет невысокий, тонкости, красоты, утонченности нет никакой. У них есть свои достоинства, воля, сила, еще какие-то качества. Целеустремленность. Но они относятся к жизни как к спортивному достижению, к женщинам как к спортивному достижению, все у них с точки зрения завоевания. И вот моя девочка была тобой опущена на уровень приза на спортивных состязаниях и до уровня казармы. До уровня солдатской маркитантки — это кто раньше ходил за армией в обозе, снабжал солдат необходимым и стирал им белье. До площадного юмора. Как писал французский поэт Артюр Рембо «Итифаллический, солдатский, их смех мне сердце запялнул...» (итифаллический — это от слова фаллос). Так относилась всегда интеллигенция к солдатскому уровню. И вот к этому уровню ты ее приблизил. Из дамы, которую я из нее пытался сделать, из интеллигентной девушки она превратилась в девчонку, говорящую пошлым казарменным язы-

ком. Какие-то разговоры — причем оба не понимаете, что это гадость — пошлые, но с полной уверенностью в остроумии, разговоры о резиновых женщинах, в которые вы даже пытались втащить и меня. В общем, совершенный бред. Ты, Петр, даже не понимаешь, что это пошло, некрасиво, что это плохой тон; не утонченно, в конце концов, говорить с любимой о таком. А слушать про ваш этот онанизм и про ваших латексных женщин — уши вянут, но тебе бесполезно это объяснять, ты не поймешь. Ваших разговоров я наслушался — Наташа говорила с тобой по телефону непрерывно сутками — разговоры выше самого низкого уровня и не поднимаются, бестолковщина, пустозвонство, пошлость, обязательно сексуальный подтекст, в общем, казарменный уровень. Ты, может быть, и сносный человек, я не вдаюсь в это и против тебя, повторяю, лично ничего не имею. Но когда ты мою утонченную девочку опустил до казарменного уровня, после этого я к тебе, кроме раздражения, ничего испытывать не могу. По-моему, это ясно.

Кстати, еще о ревности, если откровенно, о ревности. У тебя, Наташа, был еще один любимый, Сергей, и я тоже тебя отправлял к нему на встречу, отправлял к нему в армию. Причем даже на свои деньги отправлял. Не Бог весть, как это для меня было накладно, но по крайней мере это показатель. Я ревновал, да, но отправлял, потому что понимал, что это святое. Это идет из детства, это первая любовь. Я понимаю, Сергей трудный человек, характер мерзкий и прочее, и он точно так же может быть ее недостойн. Но сама любовь эта — она светилась, и просто затоптать это было невозможно. И пусть я ревновал, обрати внимание, но я тебя, Наташа, отправил и все сделал, чтобы вам там было хорошо. А здесь, Боже мой, это даже не ревность, это какое-то отчаяние. Назвать ваши отношения любовью — после ваших резиновых женщин — язык не поворачивается. Ну, вы хотите друг друга, ну, это допустимо, так вы и говорите об этом, а не приплетайте любовь. В казарме всегда обманываются, выдавая то, что у них там в казарме происходит, за те чувства, какие показывают по телевизору.

Вот хочешь я даже, Наташа, прочту... сейчас я найду ее... СМСку, которую ты ... я ее еще, конечно, использую где-нибудь

в своем тексте, я не могу ее без внимания оставить, потому что это настолько трогательно, что я лично без слез ее читать не могу, использую ее где-нибудь обязательно... в ней столько детства, непосредственности и на самом деле любви. Ты эту смску, конечно, стерла из памяти, своей и телефона. И забыла, как нечто несущественное. А я тебе напомню. Вот он, Сергей, пишет после ваших отношений, после твоей поездки к нему в армию, позже, когда вы стали уже опять ругаться, и ругань ваша была на грани разрыва отношений, такую на первый взгляд глупую фразу:

«Ты самая вредная бяка, вот что я понял, а мне не хочется с тобой ругаться, поэтому-то ты и злишься на меня. Если будешь на меня так кричать, я тебя накажу, перестану говорить, что ты у меня самая лучшая на свете».

Для понимающего в литературе, в чувстве и в слове эти наивные строки скажут о любви больше, чем тонны вашей примитивной узколобой болтовни на окологостельные темы.

Ну ладно, похоронили Сергея. Вот, кстати, единственное святое место было у Наташи, а теперь новый Наташин милый все пытается приехать разобраться со старым. За то, что он там досаждает ей своей навязчивостью и портит ей настроение своими упреками. Ну как же, да! Обязательно разобраться. Примитивный уровень только на это и способен.

Ладно, похоронили, может быть, и надо похоронить, потому что он несколько не лучше тебя, но тем не менее у него «секса по телефону», уверяю, не было. А ваш латекс — это пошлость неимоверная! Боже мой, вы живете вместе всего недели, а рассуждаете и говорите как будто вам далеко за сорок или вы долго подвизались в публичном доме.

Наташа, я всегда говорил тебе, что это таинство. У вас это совсем не таинство, а какая-то порнуха. Наташа, помнишь, мы говорили, как в очень зрелом возрасте сходятся деревенские мужик и баба: у тебя десяток овец, а у меня куры и бычок хороший, вот вместе и объединим... Не правда ли, трезвость подхода... Так эти хоть не говорят про любовь. И вы-то хотя бы это слово не опошляли. В казарме не бывает любви. Там только fuck, или... как, там, по-нашему...

Так что мне прискорбно смотреть, в какую Наташа опущена яму. Причем добровольно опущена, а поскольку колбочка ее наполнена теперь этим содержанием, то воспринимает она эту яму за свою родную среду. А заглядывать туда просто страшно.

А сам ты что можешь? Да ничего в ней даже не можешь понять! Зная ее пластику и умение танцевать, я представляю, какой — как девочка мне рассказывала — станцевала в Воронеже тебе стриптиз! И что? Что ты смог сказать даже на это? Всего-то, что у нее есть чувство ритма. Конечно, очень дельное замечание. Больше слов у тебя в лексиконе не нашлось. При всем том, что ты и читать любишь. Для меня это вообще загадка. Зная ее пластику, я представляю, как это хорошо должно было быть! А ты — чувство ритма... То же самое касается книг... Я вот спросил тебя, читал ли ты Джека Лондона, ты сказал, что читал, и даже название романа вспомнил, но ведь ничего из прочитанного не усвоил, ничего о Лондоне не смог сказать. По-моему, чтение для тебя какая-то физиологическая потребность, неизвестно откуда взявшаяся, и тебе читать, как лошади, тупо жующей сено, все равно что — простую ли траву или красивые, сказочно праздничные цветы... В отличие от той же Наташи, которая не читает, но если уж прочтет, то всегда точно проникнет в суть предмета и попадет своим пониманием в точку. Она и способнее и умнее тебя в десять раз.

Хотя в хитроумности тебе не откажешь. Тут тебе надо отдать должное. Наташа-то считает, что это она тобой будет манипулировать. Тут она, наивная, обманывается. Главное — терпение, и она сама попадется. Манипулировать в конечном счете будешь ты. Ну, по-мужски я тебя понимаю, такую отвязанную только хитростью и брать. Но если бы ты в то же время не потакал ее самым примитивным птушным желанием... Я понимаю, это тоже входит в твою программу... Как говорится, выше головы не прыгнешь...

P.S. Это уже, Наташа, лично для тебя.

Я переписал с диктофона лекцию, но потом сделал еще несколько замечаний. Накопилось позже.

За деньги спать — это плохо. Это значит — шлюха. Так?

А спать без любви за обретение свободы от родителей, за освобождение от обременительной прежней любви — это хорошо? Это не шлюха?

И еще.

В ваших постельных отношениях есть какая-то механистичность. Ты там как секс-инструмент. Подумай об этом, что это такое и про кого?

Ну и, наконец, последнее, Обрати внимание, интеллигентный человек своей любовью всегда хочет свою любимую возвысить. Ему хочется сделать ее крисивие, умнее, добрее, в общем, он всегда хочет воздвигнуть ее на пьедестал. Птушная примитивная любовь заключается *всегда* в том, чтобы красоту, уже созданную, увиденную, потребить и с пьедестала свергнуть. Обрати внимание, как пацаны-птушники говорят о девчонках, о красивых девушках, если таковую им удалось затащить в постель или прижучить где-то в другом месте: я ей засадил, я ее оттянул, отодрал, поимел! — то есть он низвел ее не только на свой безобразный примитивный птушный уровень, он получил удовлетворение от того, что красоту унизил. И чем красивее и возвышеннее девушка, тем большее удовлетворение он получает, опуская ее. В птушном мире только борьба и кто над кем возвысится.

И в твоём птушнике это тоже живет. Во-первых, ваши споры, разговоры, игры, когда вы стремитесь во что бы ни стало друг друга обыграть, кроссворды, абсолютно никчемные, беспредметные и говорящие только о борьбе за первенство. А во-вторых... я это поймал, когда мы вдвоем смотрели твои видео, танцы, которые я показывал в записи. Просто поверить в то, что ты способная, или увидеть красоту в твоих движениях и восхищаться ими он не может, даже понимай он пластику, увидеть красоту в тебе ему не даст затаенное желание тебя победить, желание над тобой получить превосходство. Он сначала непроизвольно усмехнется твоему красивому движению, как бы дискредитируя его и не желая верить, обрадуется твоей промашке, а потом уже с усилием, особенно если кто-то рядом еще хвалит движения его девушки, согласится, что хорошо. Он потом даже искренне может восхищаться, но все равно это сначала через усилие над собой происходит. А самое первое искреннее — это

враждебность ко всему красивому, возвышенному и интеллигентному, ко всему, что выше его. Я представляю, какой кайф он словил в первые недели, когда опускал тебя с высоты, на которую я тебя затащил, на свой птушный уровень. И сейчас, я представляю, с каким удовлетворением он тебя после твоего очередного общения со мной снова будет опускать в свои примитивные джунгли.

Помнишь, как дети маленькие, не обладая еще рефлексией, стремятся разрушить что-то красивое, другими на песке созданное. Агрессивно так стремящиеся. Из той же области, наверное, и лягушек давить... Ничего личного! Но есть этап перехода ребенка, живущего только инстинктами, в человека, в интеллигентное создание. То, что ты сейчас много говоришь о своих прошлых жестокостях, какой-то показатель. Я еще не до конца вник, но ты неспроста постоянно возвращаешься в разговорах к одной и той же этой теме, со стороны это даже может удивление вызвать. Что-то в тебе происходит. Ты и сама не понимаешь, что. В твоей невообразимо упоительной для меня глубине идут какие-то процессы, говорящие о том, что ты живешь, душа твоя живет и радуется своей приобщенностью, как бы там ни было, к вечности.

Я люблю тебя, мое сокровище.

3

drugu

Два дня ездил в сафари, но думал только об обидах и разговаривал внутри себя только с ней. И ночью, и днем в автобусе, и отвлечь себя ничем не мог. Измучился. Сегодня ночью был весь в возбуждении от мыслей о ее теле. А утром в 10 часов по Москве вдруг стало легко, пошел покурить и долго не оставляли легкость и радость. Может быть, Наташа обо мне думала? Тем не менее пошел на пляж, купался, загорал и нормально себя чувствовал. Вспомнил про текущую работу и радостный пошел в номер к компьютеру. Что-то такое там совершил, сотворил, поработал, вышел с ощущением собственной значимости, с чувством превосходства над разноплеменной массой и, довольный со-

бой, пошел купаться опять. А то ведь она меня втолкнула снова в чувство неполноценности. Самоутверждаюсь я только за счет своих находок и удач. А на ПТУшном уровне я, конечно, проигрываю, тем более в своем-то возрасте, и ощущаю себя не в своей тарелке, одиноким и несчастным. И с завистью смотрю на пары. Но главное, это не разговаривать внутри себя с ней. Обиды не высказывать, не надо ничего. Забыть. А уж если пошли обиды, то лучше выписаться, тебе например, написать. Это помогает.

drugu

Есть тело идеальное, фигура идеальная, а у нее именно сексуальная, блядская. Такая у нее судьба. И ведь все, что я ни дал ей, в чем ни убедил, она все использовала не так. Я сказал, надо не жалеть себя, надо отдаваться любви и не жалеть себя для любимых. Имея в виду, что она на ласку отвечала всегда пинком, воинственно. И она перестала упорствовать и стала давать повсюду. И кинулась во все тяжкие. Сколько мальчиков перебрала, скольких постаралась перецеловать, и даже мне перепало.

Ей надо мужчин мобилизовать на подвиг, а она их всячески подавляет. Динамит, издевается. Так что они просто распадаются. Вот где ум! Вот где совраты! Дать им уверенность, пусть почувствуют в себе уверенность, и они совершат немыслимое! Но она боится их уверенности в себе, она ей противоборствует. Да притворись, потерпи их самоутверждение, посмейся внутри над ними, понимая, что это ты им специально позволила почувствовать над тобой власть, дай им волю, и они своротят горы!

Встретил здесь знакомую молодую женщину. Отдыхает неподалеку в небольшом отеле. Вот ведь, на родине с ней давно уже не созванивались, даже забыли почти друг друга. Начались наши отношения, которые были по преимуществу деловые, после одного литературного вечера, на котором она, как работник какой-то интернет-библиотеки, обратилась ко мне с предложением о размещении на их сайте. Правда, после произведения работы наши отношения за неимением дальнейшего общего предмета сошли на нет. А тут мы так обрадовались встрече.

И ведь приятно обоим вспомнить, что мы были, в общем-то, равнодушны друг к другу. Ее интерес к себе я всегда замечал. Просто наше знакомство пришлось на мою жизнь с последней женой.

Вечером пригласил даму в ресторан, потом поехали кататься на такси по набережной города, приехали в мой отель, и все время я чувствовал тревогу. Неужели он увез ее на ночь домой?

А когда ждал даму из ванной, лежа уже в постели, в предвкушении близости и в желании, все равно грустное чувство испытывал, какое-то пронзительно грустное, какое-то раздвоение, и даже когда с ней два с половиной часа (как будто, как у них, специально в отместку) делал это — грусть. Все время вспоминал о теле Наташи и сравнивал и представлял его, чтобы себя обмануть. И зачем мне такая напасть?!

А утром, после того как повторили, вообще плохо. Ужас как плохо. Просто до тошноты. Как будто я кого-то или что-то предал. Черт поberi!

Когда собрались идти на завтрак, на слова женщины, почему я такой мрачный, я даже обидел ее фразой из классика:

«После совокупления каждый зверь печален...»

Катастрофически обидел, после чего она ко мне больше не пришла...